

«толстовцев» усердно избегали всякой общественной деятельности и, вообще, разных предприятий, хотя бы и полезных. Я тогда еще смеялся над этим и говорил, бывало: «Волков бояться — в лес не ходить»...

Один раз меня поразило, что Лев Николаевич подозревал в тщеславии последовательнейшего из своих последователей, слывшего святым, небезызвестного Сережу Попова. Сережа так хорошо, так праведно жил и поступал (с точки зрения теории Толстого), что учитель даже как бы сомневался: «да можно ли так жить, обходясь без тщеславия?..»

И с губ его сорвалось как-то, при рассказах о святости Сережи Попова:

— Боюсь, что у него тут... тщеславие!..

В другой раз и я попался, — вероятно, более заслуженно, чем Сережа Попов.

Незадолго до ухода Льва Николаевича из Ясной Поляны, я уезжал на несколько дней в Москву, чтобы оформить свой выход из университета. При этом, уже подав прошение ректору об исключении меня из числа студентов, я прочел, перед своими товарищами-студентами, в одной из аудиторий университета, реферат «Об университетской науке», в котором изложил мотивы своего выхода из университета.

Лев Николаевич узнал о факте прочтения мною реферата еще прежде, чем я вернулся в Ясную Поляну, из телеграммы в «Новом Времени». На основании телеграфного сообщения, А. Столыпин посвятил мне, на столбцах той же газеты, свои очередные «Заметки». Он очень ядовито высмеял студента Булгакова, чем-то еще недовольного и в стране, переполненной невежеством, выступающего «против науки». «Какого ему еще рожна надо?»